Валерий ФОКИН:

«Кое-что о театре времен перестройки»

«Четыре... Пять... Шесть...» — считывает мне Пьер, пока Мишель ищет для меня подходящий ракурс. Вот он выскакивает из-за своей камеры обалдевшим. Пусто. Душа отлетела. Так замечательно начинающийся Московский театр марионеток, — ...

Валерий Фокин, — ...

ему осуществлять художественный руководство центра, лауреат Государственной премии РСФСР Валерий Фокин. С ним мы и беседуем в перерыве между репетициями.

— Валерий Владимирович, мы в самом начале, вы еще не определились на казань. С чем вы шли (кроме) разрушения на сцене, с чем решились, в чем ищете, на что рассчитываете? Пусть не были сомнения, тяжелые сущствования, не знаю какие еще. И вот — казань, грандиозный спектакль и интересно мне, опять статистика: и то, что вы сделали, и то, что вы ищете по нынешнем театре. Разве с таким «театром марионеток любое действие на сцене нервит. Да нужен ли сейчас театр?

— Для себя я так вопрос не стал бы ставить. Театр нужен во все времена. Он — в природе человеческой. Другое дело, что время выше не театральное. Еще Мейерхольд говорил, что есть периоды, когда театр как бы на обочине жизни. Сейчас такой вот момент: мы живем на обочине. Пытаемся все-таки систему, в которой жили долгие годы, сломать, а она — при всем прочем — до сказать — не очень то поддается. И эти годы, эти трудные времена, — это, раздраженность, усталость, отчаяние, наверное — тут не до театра.

Но все в этом случае или, профессионалам, нельзя опускать руки — тем более сейчас. Сегодня что артисты, режиссеры тоже ждут в театре, в гримерке, ищут в антраше, ищут в перерывах, ищут, — и, дружно, что сейчас театр крутится прямо на месте. Вот, кстати, — чтобы себя сохранить. Потому что, когда театр нашим будет очень трудно — в этот момент обязательно нужен лет — мы должны быть в форме — Настоящее время нужно ценить прятной возможности, где угодно! Сейчас даже — театры, почему подвиров нет? Не это совершенно реальные — вещи можно иметь свободу и ничего не сделать — можно сидеть на тюрьме и ожидать гениальные роковые. Сейчас, для начала, я, художником идет процесс-подмывания — вот поэтому мне и инициативу Алексей Ивановича надавал выполнять. Мы вторые и приняться и они мне чрезвычайно понравились. Я, главное не в том, что два коротко, а то, что в той три — это результат нанесенных не все это годы. Сколько нужно, не знаю, он вбивал в себя все эти годы, и вот сейчас — вот это мучительный период, в котором мы сейчас — отдачи. Художественная.

Я думаю, так будет и с другим. Вот почему так важно сохранить себя. А то бывает, артист долго на сцене лучает главную роль, и расслабился — первые, мол, все ранки на даже. А потом приходит время: А что дальше? Нет, или вкрай, а он уже не может... Понимаете? Вот это сегодняшнему театру надо перенежить, а это трудно дается.

— Не потому ли, что в эрцель как бы подталкивает его сохранить себя, сейчас — трудное время от театра чего-то ждут?

— Сейчас зритель хочет развлечься, возросту — вовлечься от тяжелых дум, проблем. Сейчас оперетта, водевиль музыкальные комедии очень привлекают к себе — можно не думать, не переживать. Не то — драматический спектакль. Он должен вызывать в вас эмоцию, бередить, трогать. Тем более время — драматический театр, который имеет традицию духовного наполнения, стремительное переделения часть зрителей влиять. Здесь я, конечно, не имею в виду сознательное границение, рабочий, конечно, кто угодно может быть активным. — в плане внутренней культуры, любви к театру. Или, может быть, сейчас усиливается эта жажда для проведать театра: остаться человеком не смотря ни на что?

— Афиши нашего театра по-прежнему разнообразны. Тут и «Наш Дикаренко» Кудашкина, и «Калоша» Кальо, и Кальо, и «Ревизор» Достоевского, и Островский, Фурман. А может быть, есть на всем этом какие-то единства?

— Было время — оно довольно долго длилось, — когда я считал, что театр должен исповедовать какую-то программу. Пусть будут разные авторы и казания, но все они подчиняются одной задаче. Например, мне было бы интересный театр социальной активности. Помните спектакль «Гонорар»? Вот мой, это было всего пять лет назад в самом начале перестройки. Одно только слово «говоря» уже всех завораживало. Нам разрешилось говорить. Сейчас этим много не удивишь, болтовня даже слишком много. А вот время прямолинейно — публицистического репертуара ушло.

А что пришло? На мой взгляд, сейчас совершенно антиутопия театральный плюрализм. Он дает возможность привлекать разных по возрасту, в подтекстах и интересам людей — и все равно объединяет на одном — на театре! Вот почему я не вижу ничего плохого в том, что «Наш Декаменрон» — в плане с Достоевским и Островским, Фурман. А может быть, есть на всем этом какие-то единство?

— Было время — оно довольно долго длилось, — когда я считал, что театр должен исповедовать какую-то программу. Пусть будут разные авторы и казания, но все они подчиняются одной задаче. Например, мне было бы интересный театр социальной активности. Помните спектакль «Гонорар»? Вот мой, это было всего пять лет назад в самом начале перестройки. Одно только слово «говоря» уже всех завораживало. Нам разрешилось говорить. Сейчас этим много не удивишь, болтовня даже слишком много. А вот время прямолинейно — публицистического репертуара ушло.

А что пришло? На мой взгляд, сейчас совершенно антиутопия театральный плюрализм. Он дает возможность привлекать разных по возрасту, в подтекстах и интересам людей — и все равно объединяет на одном — на театре! Вот почему я не вижу ничего плохого в том, что «Наш Декаменрон» — в плане с Достоевским и Островским, Фурман. А может быть, есть на всем этом какие-то единство?

— Вы в своем интервью сказали, что «Кое-что о театре времен перестройки» — это «Ревизор» Гоголя, который играется в зале на его месте. Вряд ли это то же зрительное — на включением, может быть, самых отъявленных театра-зрителей. Вы — в ряду. И не надо! Я думаю, что сегодня театр должен предлагать другие разные если он, конечно, хочет, чтобы в него ходили.

— Но это отлично согласуется с идеей театрального центра, которую мы выдвинули на обсуждение на казань.

— Она из этого и исходила. Иметь несколько театральных залов, рассчитанных на разные спектакли, — в автономном в одно вечер могли бы идти музыкальные представления, Достоевский и, скажем, цирк. Это нормальный! Я всегда считал, что идея центра — это идея всего театрального дома, который демонстрирует разные дороги в театр. Зрителя волен выбрать, но кто порчится, что сделать он пойдет не на цирк, а на Достоевского...

Умы, проект центра вы сделаете уже три года, но пока не воплощенный. Я не по-прежнему нашел по представлению, идея мне есть. Главная причина в том, что такие проекты не нужны нашей системе сегодня. А Мейерхерд мечтал, что не лишь люди, и в Московском, одно из лучших мировых театров. Другой раз, видимо, выглядит парадоксально... Я не мечтаю о таком отношении. Первое время было не просто сказать, — может быть, Невозможно? И чем неожиданно, чем менее вероятно, — тем более пусть осуществится. И сколько нет условий — нет — не пострадаешь материальных. А не сразу, при всем моем уважении к Ю. А ус, что гоголь мал, музыкальная, — сказать не можем. Вот проект, получили бы не два года, исходящие зрительный зал, переоборудование реконструировано, на плюс пусть пожелать, чтобы нашему не мешать, а помогать. Вот тогда бы, может, что центр наш не нашел каменных мешков, он все-таки больше спектаклей, чем зрительный зал. Вот и нужение у меня грандиозный проект, — Проект и на осуществлен.

А в том, что театральные центры будут работать на будущее, я уверен. Ведь идет сейчас ситуация в театре. Ничего нельзя купить, все дорого, цены дикие, материалов нет. Раньше можно было найти подходящую вещь угодно замысел сегодня себя сдерживаешь — иные колоссальные проблемы... Жизнь такова, это театры начнут умирать. Даже не конкуренция на рынке — конкуренция на предполагает творческую какую-то борьбу — а тут борьба примитивная: у кого есть деньги, кто а нам выложится их достать. Поэтому, будут уживаться самые маленькие театры — сейчас очень много студий, чаша весов поднимется их в первую очередь. А вот театральные центры, имеющие несколько зрительных площадок, а значит, и возможность перераспределять доходы, да государственные театры — не ждут на доходах, — эти будут жить.

— Но неодинаковые шансы?

— Все это прекрасно и в федерации России... Но вдруг субсидии эти временные: они могут быть, а потом могут не быть. Культура, если мы все-таки хотим возродить нас, требует государственной помощи. Надо понять: культура — это дорогое дело. И никто в мире на нее денег не жалеет. И если в наших городах местные власти помимо необходимости театра, тогда театр есть, а он процветает. Тогда да достаются деньги, приезжают интересные артисты — жизнь идет. Нет — зрителя — жизнь, наоборот, иссякает, движет, растет преступность...

Наш театр уже несколько лет творчески сотрудничает с Тольяттинским комсомольским — культуре там потрясающе. В руководство входит и Кайданиенов, генеральный директор ВАЗа, средств на культуру не жалеют, только в этом году в Тольятти прошли крупные предприятия. Если бы руководство каждого — ну, по необходимости, и если бы у него и экономический интерес был. Тут с налогами надо разобраться: средства, жертвуемые на культуру он в одной ситуации, а в другой — с конкретным определенным — в нем пусть Спиваноиь... Первоклассные имена, мировые имена, — ведь культурную продукцию гоголь мастерство и не выжать уже. Нет — ничего! Так могли бы, на пример, помогать — другие крупные предприятия. Если бы руководство каждого — ну, по необходимости, и если бы у него и экономический интерес был. Тут с налогами надо разобраться: средства, жертвуемые на культуру он в одной ситуации, а в другой — с конкретным определенным. Мешаем бы на годами! Со всех сторон. Поймем ли мы это когда-нибудь?

...Театр времен перестройки. Путь проб и ошибок, к прошлое ушли в казань. Трагедия, комедия, фарс — театральные жанры, перекочевавшие в жизнь. Жизнь — жизнь, сыгранная на подмостках? Вперемеч, все как всегда. И потому театр жив, и потому он нам нужен.

Беседу вел
Нина МЕДВЕДЕВА.